

Куватура. - 2000. -
18-24 мар. - с. 11

Самовар,

или Место встречи изменить нельзя – Бродский, Барышников и другие

15 лет назад в центре Нью-Йорка на 52-й улице (между Бродвеем и Восьмой авеню) появился русский ресторан. Назвали его "Самовар". Что вкладывал в это слово Роман Каплан, голодным ребенком переживший блокаду в Ленинграде, когда задумывал свой проект? Что мерещилось Михаилу Барышникову и Иосифу Бродскому, гениально одаренным российским художникам, когда, перемахнув через океан и достигнув высшего признания в Штатах, они помогли вместе с другими реализовать эту идею? Почему столь далекие от пищеблоковских уклад мастера посчитали для себя задуманное крайне существенным?

Естественно, они захотели поддержать замысел Романа Каплана, личности незаурядной, безоглядно преданной искусству. Но главным, без сомнения, было стремление обрести такую точку в многоэтажном, разноязычном Нью-Йорке, где можно интеллигентно посидеть, вкусно поесть и, что не менее существенно, душевно расслабиться. Впоследствии М. Барышников подтвердит это. "Бродвейские актеры, музыканты, певцы – частые гости у Романа в "Самоваре", – говорит он сегодня. – Они приходят обсудить творческие проблемы. Очень важно, чтобы у людей было такое место, куда они могут прийти пообщаться".

Эти двое, Бродский и Барышников, напротив связанные друг с другом, в эмиграции остались верны своим принципам жизни. Они были убеждены, что в новой стране, которую им предназначила судьба, нельзя ощущать себя вечным гостем, оставаться иностранцем. Надо изучить язык, привычки и ментальность американцев, оставаясь русскими, вложить в искусство, не имеющее границ времени и пространства, все, чем тебя одарили твое Отечество и природа. Увы, они остались верны и слову, данному друг другу, – никогда не возвращаться. Какая боль, трагедия стояла за этой "клятвой на Воробьевых горах" – ведомо только им самим. Иосиф Бродский вложил в ресторан часть Нобелевской премии (его вдова Мария и по сей день свято блюдет эти обязательства), в "Самоваре" он читал новые стихи, выпивал и встречался с друзьями до последних дней своей короткой жизни.

Я была на похоронах поэта в Гринвич-Виллидж. К гробу молча подходили молодые, пестро одетые, в майках, и старые, в галстуках, с головными уборами в руках, – люди со всего света. Узнав нескольких профессоров Колумбийского университета (где довелось работать два месяца над книгой "Американки"), присела вместе с ними рядом с матерью вдовы, застывшей у гроба в позе обреченности, с устремленным поперек взглядом. Сейчас в этом зале я была единственной с "тех берегов". Скорбя по великому поэту, безвременно ушедшему, мы перемолвились несколькими сухими фразами.

"Где будут хоронить? В Венеции?" – спросила. "Да, он так завещал". – "Как Мария?" – "Держится. Была здесь все утро, больше не смогла". – "Спасибо", – я дотронулась до ее руки, прощаясь. В дверях я столкнулась с группой тесно притертых друг к другу плечами русских, среди них увидела В. Черномырдина. Оказавшись в Нью-Йорке, он счел необходимым побывать на похоронах. Вечером Бродского поминали в

"Самоваре". Только друзья, почитатели. В обычно шумном, прокуренном насквозь ресторане было необычно тихо, никаких речей, молча поднятые рюмки. Ко мне подошел растерянный, с горячечным блеском в глазах Каплан.

– Хочешь посмотреть его последние снимки? – он извлек из чьих-то рук с соседнего столика большой альбом, уже раскрытый на фотографии Бродского. Поразительный снимок за эти два дня уже успел обойти многие издания. Через плечо заглянул круглолицый, с шалкой кудрявых волос парень.

– Это моя работа, – сказал он и представился, – Сергей Берменев. У вас есть мои фотографии. Помните, я послал вам их после презентации книги Чингиза Айтматова "Тавро Кассандры", которую вы вели в "Палас-отеле", на них все участники – Айтматов, Вознесенский, Искандер, Евтушенко и чета Горбачевых.

Я смотрела не отрываясь на портрет Бродского: пронизательно-острый взгляд, ироничная складка у рта, лоб чуть наморщенный, словно поэт что-то пытался додумать.

Свой 50-летний юбилей Михаил Барышников праздновал 27 января тоже в "Самоваре". На втором этаже, отделанном по эскизам Льва Збарского (в исполнении Алека Дюка), собралось всего человек 12. Его семья, друзья – известные хореографы, киноактеры, продюсеры. За окнами ресторана шумела толпа почитателей, только что покинувших Сити-центр, где прошел балетный вечер Барышникова. Публика неистовствовала, вновь поражаясь артистизму, виртуозности каждого движения легендарного танцовщика. Каково было усидеть, когда после окончания зал встал, шквально аллодируя, и долго не отпуская своего избранника.

Теперь, уже за полночь, он сидит в ресторане в кресле, бледный, с растерзанным, кровоточающим (не

Зоя Богуславская

однажды уже прооперированным) коленом, положив ногу на соседний стул. Вот она – цена фанатичной приверженности танцу, "не буду танцевать – умру". Он категорически запретил входить к нему посторонним, исключались какие-либо теле- и фотосъемки. Впрочем, он всегда был противником шумной рекламы для толпы, тщательно оберегая от вторжения в свою личную жизнь и внутренний мир.

Впервые я встретилась с Михаилом Барышниковым, когда питерский невозвращенец из Канады попал в Вашингтон и жил в отеле "Уотергейт", скандально известном благодаря двум журналистам "Вашингтон пост", спровоцировавшим импичмент президента Никсона. Тогда же Барышников пригласил меня присутствовать на репетиции с Лайзой Миннелли, которую он обучал танцу. До сих пор помню трагическую "Шопениану" и дуэт с юной, беззащитно-хрупкой Гелси Кэрланд. Сегодня Барышников – русский американец. Он танцует с американскими артистами, у него американская семья, он безукоризненно говорит по-английски. Но, несомненно, многое из того, что происходит в России, бесконечно трогает

его. Совсем недавно он передал через Владимира Васильева письмо с благодарностью жюри, поддерживавшему на премию "Триумф" Веру Красовскую (ныне уже покойную), назвав ее выдающимся летописцем и биографом российского и мирового балета.

Сейчас, в свой день рождения, он пытается быть веселым, шутит, принимая поздравления и комплименты после спектакля. Его обаяние, доброжелательность притягивали к нему всех когда-либо встречавших его. Я подарила ему плюшевого белого медведя, почти с него ростом, которому он обрадовался.

Мы ушли из ресторана с Людой Штерн, близким другом Барышникова и Бродского, женщиной редкостного юмора, успешно опубликовавшей в Штатах несколько книг повестей и рассказов. Мы говорили о Барышникове, вспоминали Бродского и известного переводчика, нашего друга Геннадия Шамова, рассуждая о судьбах и феномене новой американской эмиграции.

И вот, уже в 2000-м, мы с Вознесенским после выступлений в Оклахоме, куда были приглашены университетом, проездом в Нью-Йорк, идем в "Самовар" – поздороваться с Романом Капланом и его прелестной Ларисой. Думаем заскочить на минутку – в тот же вечер отметили завершение блестящих нью-йоркских гастролей труппы Бориса Эйфмана в другом русском ресторане у Феликса Комарова.

16 апреля лил холодный дождь. В "Самовар" было не пробиться, столики "перенаселены". Стихия смела чинное сидение, музыкальная программа и дело прерывается самодельными энтузиастами, непредусмотренными заказами. Измученные официанты не успевают подавать блюда. Роман Каплан, с трудом вырвавшись из цепких объятий какого-то американского бизнесме-

на, пытавшегося его облобызывать, виртуозно балансируя между чьи-то ногами, вместе с Львом Збарским и Ларисой ведет нас на второй этаж. Наша попытка отбиться от угощения, памятью, что нам предстоит ужин, обречена. Стол мгновенно уставлен. И тут мы осознаем причину столпотворения: от стола к столу, из рук в руки передают номер "Нью-Йорк таймс" с внушительным портретом Романа Каплана. Впервые самая авторитетная, солидная газета США напечатала развернутую статью о русском ресторане. "Конечно же, – рассказывает Каплан, – с утра посыпались звонки с заказами". Новый поток американцев устремился на Бродвей в неведомое им доселе место под названием "Самовар".

Мы знали с детства, что "Муха-Цокотуха побежала на базар и купила самовар", из учебников – что поначалу из самоваров пили мед, уже студентами распевали: "У самовара я и моя Маша, а на дворе совсем уже темно, а в самоваре кипит вся жизнь-то наша..." В 70-е в нашей компании ходила байка про американца-миллионера. Создав самый мощный супермаркет, он заявил в целях рекламы, что в его магазине можно купить все что ни пожелаешь, любую названную вещь. А если таковой не окажется – клиенту вручат миллион долларов. Пришел русский, попросил самовар. Его не оказалось...

Ну что ж, в новейшие справочники придется внести дополнение: "Самовар" – русский ресторан. Там общаются интеллектуалы, распевают песни, едят борщ, икру и гречневую кашу. Подобное заведение породило в Америке некую разновидность клуба-ресторана, где спорят, сочиняют стихи и всегда встречают вас душевно".

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Нью-Йорк – Москва

Борщ и болтовня

Мы перепечатаем
с некоторыми сокращениями
материал о "Самоваре"
Тимоти Л. О'Брайана,
опубликованный
"Нью-Йорк таймс"

Ресторан "Самовар" – самый популярный русский клуб на Манхэттене. Здесь частенько бывает Михаил Барышников и другие знаменитости.

"У нас можно посидеть, вкусно поесть, заодно дать интервью или провести деловые переговоры, – рассказывает Роман Каплан, основатель "Самовара", – в общем, душевно отдохнуть в тишине и покое".

Однако тихим местом назвать "Самовар" просто язык не повернется. На первом этаже квартал казаков распевает русские народные песни, а разгоряченная публика прихлопывает и пригlopывает в такт заводной музыки. Длинный прокуренный бар вечно переполнен русскими интеллектуалами – писателями, художниками и упакованными в кожу япки. К их услугам богатый ассортимент разнообразных русских водок, пива и традиционных космополитических коктейлей. Посещают "Самовар" ради роско-

ши интеллектуального общения уже более десяти лет, и за эти годы ресторан на Манхэттене стал настоящим столпом русско-американской тусовки. Несмотря на великолепную кухню, "Самовар" – это не то место, куда ходят просто поесть. На Манхэттене огромное количество кафе и ресторанов, но "Самовар", расположенный на 52-й улице, между Бродвеем и Восьмой авеню, – единственный в своем роде ресторан-клуб. Здесь всегда бурлит водоворот самого разномастного народа, что придает особое очарование и стиль атмосфере.

"Самовар" для нас – островок российской жизни, – признается двадцатипятилетняя Лейла Залотуская, служащая ООН. – Ведь все мы в той или иной степени испытываем тоску по родине".

Гостеприимный "Самовар" привлекает не только русских. Вот сидит, попыхивая сигарой, бродвейский продюсер, мысленно прикидывая, какие прибыли принесет ему новое шоу. А рядом – гость из Чикаго. Опрокидывает стаканчик водки, по-видимому, далеко не первый за этот вечер, убирает со стола вазу, устраивается поудобнее и благополучно засыпает. И ему совершенно не

мешают ни людской гомон, ни музыка, которые продлятся до самого утра.

"Люди с радостью приходят к нам, потому что здесь они находят всю ту обстановку и стиль жизни, которые любили в России. Уютные абаяжи, звуки пианино, дружеские, дразнящие запахи вкусной еды, – объясняет Роман Каплан, – все это создает атмосферу душевности". Слово "душевность" трудно перевести на другие языки. Ведь это чисто российское понятие.

Для многих завсегдатаев ресторана одной из причин, почему они сюда так любят ходить, является сам Роман Каплан. Почти каждый вечер он в "Самоваре", сует от столика к столику, приветствуя гостей, шутит с ними или просто приветливо улыбается.

Господин Каплан родился в Ленинграде. Во время блокады, еще ребенком, он потерял пальцы на ногах – отморозил. Он голодал, и, как теперь признается, готовило стало его страстью с детства. Роман Каплан эмигрировал в Израиль в 1972 году, а в 1977-м переехал в США. Начиная от свою карьеру с работы швейцаром, потом стал менеджером художественной галереи, а потом, в 1984 году, жена Лара вдохно-

вила его открыть первый ресторан. Это была "Калинка". Через два года он продал свою долю в "Калинке" и открыл "Самовар". С тех пор "Самовар" – неизменная достопримечательность 52-й улицы.

В "Самовар" вложили деньги довольно известные русские артисты, поэты и бизнесмены. Среди них – Михаил Барышников, Фред Соркин и вдова Иосифа Бродского. Да и сам Иосиф Бродский после получения Нобелевской премии в 1987 году давал господину Каплану деньги на поддержание этого удивительного заведения.

"Самовар" напоминает мне русские рестораны и кабары, которыми так славился Париж тридцатых годов, – говорит Моура Петровски Тобер, изысканная восьмидесятилетняя дама, покинувшая Россию маленькой девочкой вскоре после революции семнадцатого года. – Я обожаю здешнюю музыку и атмосферу. Хотя здесь слишком много молодежи, я все равно люблю бывать в этом ресторане, потому что здесь я всегда встречаю своих русских друзей. "Самовар" – это образ России.

Материал подготовила
Ася КАВТОРИНА